

ИСТОРИЯ КОРОЛЕВСТВ

Давным-давно Эльфы, Оборотни, Великаны, Драконы, Люди и Морской народец жили в мире на равных. Процветание царило в их землях и королевствах, а армии были настолько внушительными, что враги не смели нападать. Поколения сменяли друг друга, и народы стали забывать о самом важном: любви, отваге и верности.

Именно это их и погубило. Потакая своим желаниям и погружаясь все дальше в невежество, они позволили тьме просочиться в их земли подобно вору, снующему в ночи.

Началось все медленно.

Тщеславие поселилось в сердцах Морского народца, жадность овладела Драконами, жажда кровопролития возобладала над Великанами, алчность взыграла в Людях, гордость взяла верх над Оборотнями, равнодушие вытеснило из сердец Эльфов сострадание.

Говорят, что земля захрохотала и раскололась, сотрясая самое сердце мира. Как только

удары поутихли, горы Зазубренных Костей окружили Эльфийское королевство, отрезая его от всего остального мира.

Драконы покинули собственное королевство и обосновались в Зазубренных Костях, внушая страх всем тем, кто приближался к их логову. С тех пор никому не удалось пересечь горы, хоть Великаны и пытались. Множество жизней было отдано в угоду бессмысленной жестокости, словно сами горы возжелали крови и ненависти.

Став свидетелями стольких смертей, представители Морского народца удалились в свои водные глубины, упиваясь красотой моря и собственным великолепием. Когда же им хотелось развлечений, они предпочитали общаться с пиратами.

Шли годы, а мифы исчезали из памяти.

Эльфийское королевство превратилось в Густолесье. Великаны уединились в своем собственном королевстве Копал. Наемники, потомки пиратов, Сирен и Морского народца, основали Королевства Огненных Островов.

Какое-то время Оборотни из Талаги поддерживали хрупкий мир с Людьюми из Хеймсерии. Ради выживания оба королевства нуждались друг в друге, но этому пришел конец с появлением нового растения и рождением королевского сына.

Невиданное ранее растение было найдено в Талаге. *Мимикия*. После дистилляции она могла исцелить почти любую рану. Ее чудотворная сила считалась почти волшебной. Без-

граничные возможности лекарства сделали его бесценным. Гордость за их открытие и собственную гениальность сподвигла Оборотней на хвастовство.

Слухи о новом источнике богатства дошли и до Людей. Они возжелали заполучить это чудотворное растение. Жажда овладела молодым королем, который стремился обогатить свое королевство. Его жадность положила начало новой эре кровопролития, предрассудков, зависимости и порока.

Добро пожаловать в Темные Королевства.

ПРОЛОГ

Мир не всегда был местом войны, порока и смерти.

Мама рассказывала истории о времени, когда Оборотни, Эльфы, Великаны, Морской народец, Драконы и Люди жили в любви и единстве. О времени, когда короли были порядочными, а их подданные благородными и отважными.

О мирном и Сказочном времени.

Но в ледяных землях Хеймсерии нет места сказкам.

Больше нет.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Тэмпест

Резкий запах травы наполнил воздух, как только она вытащила растение из земли, повторяя привычные движения мамы. Пятилетняя Тэмпест пришла в восторг, когда божья коровка поползла по ее грязным пальцам — ярко-красное пятно на бледной коже.

Ужасный запах распространился по долине, оскверняя место для игр и заставляя ее сморщить нос. Тэмпест вскинула голову и внимательно огляделась, рассматривая полянку, пока отвратительный запах усиливался. *Что это такое?* Лес тут точно ни при чем. Брови девочки сошлись на переносице, когда она заметила струйки дыма, рисующие узоры на ветру.

Пот проступил на ее коже, и она, хмурясь, откинула капюшон, до этого скрывающий крошечное личико. Сегодня ужасно жарко. А мама говорила, что будет прохладно.

В земле шевельнулся червяк, привлекая ее внимание. Тэмпест присыпала его землей.

— Сладких снов, червячок, — прошептала она и вырвала еще одно растение из земли.

Она остановилась, когда очередная волна жара накрыла ее. Тэмпест выпрямилась и оттянула воротник платица, раздражаясь из-за тяжелой и колючей ткани. Что-то определенно было не так. Теплее, чем обычно. Слишком жарко для весны.

Неестественно.

Девочка замерла, когда тишину пронзил крик. Травы выпали из пальцев. Она сразу узнала этот голос.

Мама.

Тэмпест бросила все травы и побежала к их домику. Маленькое сердечко колотилось в ее груди. Почему мама так кричала? Может, она увидела паука? Или монстра?

Ножки застучали по земле. С каждым шагом жар становился сильнее. Тэмпест замедлилась и в удивлении раскрыла рот: столько огня ей еще не приходилось видеть. Гигантские языки пламени почти касались верхушек высоких деревьев, стоящих на страже ее дома. Тэмпест охватил ужас. Все это до боли неправильно.

Девочка ускорила и побежала навстречу шипящему огненному зверю. В ногу впился камень, но она едва ли чувствовала боль. Ей необходимо попасть домой и найти маму. Уж мама знает, что делать. Она укротит огонь.

Дыхание стало прерывистым, когда она прорвалась сквозь кольцо окружающих дом деревьев. Башни из огня, раз в пять выше крошечной фигурки, приветствовали ее, и Тэмпест смотрела на них во все глаза. Огненные демоны поглотили почти все вокруг. Они уничтожали ее собственный дом прямо у нее на глазах.

— Мама? — шепнула Тэмпест.

Мамы нигде не было видно.

Пробирающий до костей крик заставил девочку подпрыгнуть от страха. Руки покрылись мурашками. Мама внутри? Глаза отчаянно всматривались в огонь в попытке найти источник звука. Сделав шаг вперед, она подняла руку, чтобы защитить себя от пламени. От жара из глаз брызнули слезы.

— Мама, — позвала Тэмпест, но тут же подавилась черным ядовитым дымом.

Девочка откашлялась и попробовала снова:

— Мама, где ты?!

Она закричала, и окна взорвались, рассыпаясь на осколки. Тэмпест вздрогнула, наступив на один из них, прожигая подошву туфельки. Она моргнула, глядя на тысячи разбросанных по земле стеклянных кусочков, похожих на первый осенний иней.

Все было неправильно. Сейчас весна, а не осень. Несмотря на отсутствие логики, блестящие на земле осколки, отражающие извивающееся пламя и чистое голубое небо, казались почти волшебными.

Тэмпест была готова устроить истерику, но сделала еще один шаг к дому. Языки пламени, огненные демоны, всё так же танцевали над домом. Зачем они здесь? Она и мама — хорошие люди. Они никогда не делали ничего плохого. Мама всегда помогала нуждающимся.

Более того, неделей ранее Тэмпест нашла незнакомца на лугу недалеко от дома. Когда он, весь в крови, спотыкаясь, вышел из глубины леса, из ее рук выпали все цветы.

На нем живого места не осталось.

Может, какая другая маленькая девочка и расплакалась бы, увидев его, но только не Тэмпест. Ей всего лишь удалось спросить, нужна ли ему помощь, как он тут же потерял сознание. Мама всегда говорила, что, если есть возможность, нужно обязательно помогать другим. Как только Тэмпест закричала, мама тут же прибежала, и вдвоем они оттащили мужчину к своему домику, чтобы обработать его раны. У него были странные, похожие на звериные, уши, торчащие из-под волос. Они отличались от ее собственных, но Тэмпест было все равно. Ей хотелось их потрогать, но только потому, что они выглядели *такими* мягкими.

Мама называла его Обратнем.

У Тэмпест не было большого опыта в общении с Обратнями. Их домик находился вдали от любых поселений, поэтому гости приходили нечасто. К ее большому разочарованию, мужчину совсем нельзя было назвать разговорчи-

вым. Большую часть времени он просто спал на маминой койке.

Оборотень. Может, он сможет помочь.

— Оборотень! На помощь!

Он не пришел.

Тэмпест снова почувствовала жар, это иссушало слезы. Щеки тут же защипало. Невыносимое давление словно зажало ее в тиски и заставило всхлипнуть. Огонь продолжал бушевать, и чувство безысходности полностью овладело ей. Тут не обойтись без помощи.

— Помогите! — завопила она. Оборотень должен ей помочь.

Внимание привлекло мимолетное движение в одном из окон. Девочка вытерла слезящиеся глаза рукавом и прищурилась. А вот и он: Оборотень. Он выпрыгнул из окна и, кашляя, пополз по покрытой стеклом земле.

Внимание Тэмпест снова вернулось к окну, она с нетерпением ждала, когда там покажется мама.

Никого.

Из разбитого окна шел дым, однако мама все никак не появлялась. Девочка снова повернулась к мужчине. Он поднял голову и встретился с ней взглядом. Они смотрели друг на друга, пока мир вокруг сгорал дотла.

— Где мама? — прохрипела Тэмпест.

Звук ее голоса словно разрушил чары. Стоило ей заговорить, мужчина сорвался с места и побежал прямо в лес.

— Куда ты? — закричала ему вслед девочка. — Мама все еще внутри. Помоги мне!

Почему же он не помог маме? Он же слышал ее крики, правда?

— Вернись!

Девочка замерла. По спине пробежал холодок. Слезы текли по щекам. Как он мог бросить маму? Что же теперь делать? Мама звала на помощь...

Тэмпест встала лицом к своему горящему дому. Что-то не так. Стало как-то тихо. Даже слишком. Она не слышала ничего, кроме рева огня. Ни крика, ни мольбы, ни единого звука.

Ничего.

— Мама! — закричала девочка. — Ответь мне, мама!

И снова тишина.

Страх за маму вытеснил боязнь огня. Несмотря на бушующую вокруг нее опасность, Тэмпест потянулась к дверной ручке, полная решимости найти свою мать. Как бы страшно ни было, она не могла оставить маму. Они были командой. Вместе навсегда.

Металл был обжигающе горячим. Всхлипнув, девочка отпрянула, завернула руку в толстую ткань зимнего плаща и заставила себя коснуться ручки еще раз. От отчаянного прикосновения дверь отворилась, наградив Тэмпест мощной волной опаляющего воздуха и густого едкого дыма. Стало трудно дышать. Она закрыла слезящиеся глаза и сделала несколько нетвердых шагов. Горячие половицы обжигали стопы даже сквозь подошву туфелек.

Все инстинкты ее крошечного хрупкого тельца кричали о том, что нужно бежать. Остаться тут — значит умереть, но она не могла оставить маму. Через силу открыв глаза, шаг за шагом Тэмпест все глубже пробиралась в свой быстро разрушающийся дом.

Она вскрикнула, когда с потолка упала балка, преграждая путь. Метнувшись влево, Тэмпест поспешила в спальню матери. В дверном проеме сгорбилась фигура, вся черная от сажи. Она была в опасной близости от жестокого и смертоносного прикосновения пламени.

— Ма... Мама! — всхлипнула Тэмпест, сокращая расстояние между ними и не обращая внимания на приближающийся огонь.

— Мама, проснись!

Она изо всех сил старалась перевернуть потерявшую сознание мать на спину и трясла ее за руку.

— Пожалуйста, вставай.

Но она не вставала. Тэмпест прижалась щекой к маминой груди. Мама не двигалась. Понимание происходящего обрушилось на нее, и девочка отстранилась, дрожа. Мама не дышала.

— Очнись, пожалуйста, — молила она, — пожалуйста, пожалуйста, пожа... Ааа!

Она отскочила, когда жгучая боль пронзила ее ступни и поднялась вверх по ногам. Пламя насквозь прожгло ее кожаную обувь, пока она беспомощно наблюдала за происходящим.

Взгляд Тэмпест переместился от матери к входной двери и обратно. Девочке не хватит сил донести ее. Мама оказалась слишком большой, а Тэмпест — слишком уставшей. Рыдания сотрясали ее тело, пока она обнимала маму, не в силах больше терпеть этот жар.

В сознании всплыл голос матери: *Если меня не будет рядом, ты должна позаботиться о себе, Тэмпест. При опасности беги. Я приду за тобой.*

— Я люблю тебя, мама, — прорыдала девочка.

Она поцеловала мать в щеку, посмотрела на нее в последний раз со слезами на глазах и, спотыкаясь, направилась к выходу из дома. Мамин лук лежал на полу, каким-то образом не тронутый пламенем. Тэмпест опустилась на колени. Ее маленькие пальчики обхватили нагретое дерево лука, и она вытащила его из единственного дома, который у нее когда-либо был.

Оцепенение сковало все тело. Тэмпест не чувствовала ни стекла, режущего ступни, ни ожогов на руках и ногах, пока шла к граничащим с их землей деревьям. Мамин лук она тащила за собой. Девочка обернулась и какое-то время просто смотрела, как все, что она любила, исчезает в пасти огненного чудовища. Прошло еще несколько мгновений, прежде чем дом полностью обрушился. От осознания случившегося у нее подогнулись ноги.

Выдохи с хрипом вырывались из легких. Время перестало иметь какое-либо значение, пока Тэмпест наблюдала за тем, как пламя пожирает остатки ее дома, стирая его с лица земли. Все исчезло. Когда живот заурчал от голода, она вскинула голову и только тогда поняла, что солнце уже сменило свое положение на небе.

Медленно поднявшись, девочка на дрожащих ногах направилась в лес. Солнце в последний раз скользнуло по ней прощальными лучами, рассыпались звезды, а она продолжала свой путь. Мама говорила, что по ночам в лесу небезопасно. Тэмпест знала, что мама права, поэтому не обращала внимания на израненные ноги, пересохшее горло и пустоту в голове. С приходом пронизывающе холодной ночи она посильнее укуталась в остатки своего разорванного плаща.

Девочка споткнулась, когда набрела на небольшой коттедж. Всего мгновение назад она была в лесу, а теперь окружена домами. Ее глаза округлились от удивления, когда она начала их считать. Два, три, четыре. Нет, пять, а затем даже десять. В жизни она не видела столько домов!

Деревня. Тэмпест всегда мечтала посетить деревню, но теперь никакого восхищения не испытывала. Все, чего ей хотелось, — снова увидеть маму... или папу.

— Папа. — Ее шепот повис в воздухе. Он давно не навещал ее, но мама говорила, что отец

любит свою дочь, хоть и не может приходить. Личико девочки сморщилось, когда она попыталась вспомнить другие мамины слова о папе. Он жил в большом городе. Тэмпест осмотрела дома вокруг. Может быть, он жил здесь.

— Добрый вечер! — послышался голос незнакомца, и он поднял фонарь повыше.

Его улыбка погасла, как только он придвинулся ближе. Глаза за очками расширились. Тэмпест подняла вверх свои бледные, испачканные сажей руки и уставилась на них. Ее одежда почернела и обгорела. Она была вся перепачканная.

— Может кто-нибудь помочь? Скорее! — кричал он, сокращая расстояние между ним и Тэмпест.

От него пахло хлебом. У девочки потекли слюнки и заурчал живот.

— Папа? — повторила она. — Где же папа? Кто-то должен был знать, где он находится.

Пахнувший хлебом мужчина встал перед Тэмпест на колени и участливо улыбнулся. Его глаза напомнили ей о белой сове. Он погладил девочку по спутанным волосам.

— Кто твой папа, дитя? Что с тобой случилось? Где ты...

Он остановился и поднес ее локон ближе к свету фонаря. Мужчина потер пальцем прядь покрытых пеплом волос, оказавшихся лавандово-голубыми, цвета барвинка. Сглотнув, он оглянулся на нескольких приблизившихся к ним жителей деревни.

— Гончие, — сказал он. — Приведите Гончих! Сейчас же!

Гончие? Ей всегда нравились щенки. Она приоткрыла рот, глядя на то, как все больше и больше людей приближается к ним, образуя круг. Так много людей, голосов, цветов. По коже Тэмпест побежали мурашки. Девочка дрожала под внимательными взглядами толпы. Почему все так пристально смотрят на нее?

Она почувствовала боль в желудке, когда вдохнула окутывающий ее запах горелой плоти. Это уже слишком. Согнувшись пополам, Тэмпест очистила желудок прямо на ботинки мужчины. Большая рука опустилась ей на спину и принялась выводить успокаивающие круги.

— Все в порядке, милая. Все будет хорошо, — тихо проговорил пахнущий хлебом мужчина.

И тут она не на шутку разрыдалась. Он лгал. Ничего не будет хорошо. Мамы больше не было. И где же ее папа?!

— Кто-нибудь вымойте ее, ради Дотэ! — настойчиво выкрикнул кто-то.

— Но она ведь...

Резкий грохот копыт по камню раздался позади. Тэмпест подняла голову. Она наблюдала за тем, как толпа расступается, а величественный мужчина спрыгивает с самой большой лошади, которую она когда-либо видела. Он словно вышел из какой-то сказки.

И его волосы были точь-в-точь как у нее.

Синие волосы.

Особенные.

— Она ребенок, — объявил синеволосый мужчина. Голос у него был низкий и раскати-стый.

Ведя за собой серую лошадь, он протиснулся сквозь толпу и опустился перед ней на колени.

— Всего лишь напуганный голодный ребенок и ничего больше. Как тебя зовут, девочка? — тихо спросил он.

Тэмпест уставилась на мужчину. Волосы незнакомца были такими синими, что в лунном свете казались почти черными, как и его глаза. Хоть лицо его ничего не выражало, чувствовалось в нем что-то доброе. Она вцепилась в руку мужчины так, будто от этого зависела ее жизнь. Так оно и было.

— Т-Тэмпест, — запнулась девочка.

— Здравствуй, Тэмпест. Меня зовут Дима, — ответил мужчина.

— Ты мой папа? — спросила она. Ведь у него волосы совсем как у нее. Должно быть, это он.

— Нет, девочка, — мягко произнес мужчина и указал на несколько всадников позади себя, перед которыми толпа окончательно расступилась. Волосы каждого из них имели тот или иной оттенок синего.

— Я из Королевских Гончих, как и эти мужчины.

Он медленно коснулся ее грязного голубого локона.

— Мы твоя семья. Ну разве тебе не повезло, что мы остановились здесь этим вечером? —

Мужчина протянул ей руку. — Давай приведем тебя в порядок. Тебе, должно быть, хочется пить. И ты, без сомнения, голодна. Пекарь, принеси, пожалуйста, немного хлеба.

Девочка рассматривала его и устрашающего вида мужчин с синими волосами. Они не казались такими уж плохими, и она по-настоящему устала и умирала с голоду. Взяв мужчину за руку, Тэмпест бросилась в его объятия. Не теряя времени зря, он подхватил ее на руки как пушинку и прижал к груди.

Заметивший ее первым мужчина с важным видом кивнул.

— Моя жена только что сварила целый котелок супа. Его я тоже принесу.

Зевнув, Тэмпест медленно моргнула, и мир погрузился в кромешную тьму.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Тэмпест

13 лет спустя

В мгновение ока все исчезло: огонь, лес, крики, деревня. Однако запах дыма висел в воздухе, словно ему каким-то образом удалось перекочевать из сна Тэмпест в реальность. Начиналось всегда одинаково: едкий, мерзкий запах дыма душил ее.

Глаза открылись, и она резко села в кровати, стирая покрывающие лоб капли пота. Дым был не воспоминанием, а знаком готовящегося на кухне казармы завтрака. В животе заурчало, но она знала, что не сможет съесть и кусочка.

Даже прожив этот сон, казалось, в миллионный раз, Тэмпест не могла избавиться от ужаса умирающей на ее глазах мамы.

Она оглядела прямоугольную казарму и мирно спящих в ней Гончих.

Везучие. Каждого из Гончих преследовали свои кошмары, которые не давали спать по ночам. Однако она была единственной, кто кричал во сне. Время от времени, когда паника накрывала с головой, девушка бродила из комнаты в комнату, царапая стены и пытаясь сбежать от живущего у нее в голове кошмара.

Несмотря на то что чувствовала себя бодро, она все равно легла и закрыла глаза. Сердце постепенно замедлялось, избавляясь от воздействия сна, и Тэмпест заставила тело расслабиться. Она никак не могла изменить прошлое, но была в силах контролировать будущее.

Сегодня самый важный день в ее жизни.

Она сжимала и разжимала руки в попытке успокоиться. Больше ничего нельзя сделать. Тэмпест готовилась к этому всю жизнь и не могла позволить такой мелочи, как ночной кошмар, отвлечь ее от самого важного.

Сегодня начнется ее будущее.

Сегодня Тэмпест примет Испытание и вместе с ним свою судьбу первой женщины-Гончей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Тэмпест

Тэмпест почувствовала сильный голод: она ничего не ела накануне вечером в предвкушении сегодняшнего дня.

Живот издал сердитое рычание.

Пустой желудок заставил ее пожалеть о таком решении. Теперь сама идея отказаться от еды перед Испытанием казалась глупой.

Она должна поесть. Тэмпест необходимы были все припасенные в ее теле силы, но для начала нужно подготовиться. О еде можно подумать и после.

Сейчас лучше помыться: от исходившего от нее запаха пота девушка сморщила нос.

Тэмпест посвистывала, пока потягивалась и вставала с постели. Прохлада камней просачивалась даже сквозь толстые шерстяные носки. Сначала звук казался дрожащим, но к тому времени, как она подошла к умывальнику, ее

голос выровнялся, а свист стал мелодичным. Сама мелодия запомнилась еще в детстве. Происхождение ее было неизвестно. Быть может, мама напевала ей эту колыбельную?

Что бы мама подумала о ее решении присоединиться к Гончим? Сделала ли она правильный выбор? Воспоминание о криках матери откликнулось эхом в голове, от чего глаза Тэмпест защищало. Отогнав воспоминания, она глубоко вздохнула.

Никого не было рядом, чтобы защитить маму от злодеяний. Если бы поблизости находился кто-то из Гончих, наверняка все сложилось бы иначе. Тэмпест нравилось думать, что мама гордилась бы, какой девушкой выросла ее дочь: взрослой, сильной и здоровой. Готовой покорять мир в качестве Гончей.

Она надеялась, что мама гордилась бы ею.

По правде говоря, не только мамины колыбельные стерлись из памяти. Несмотря на то что Тэмпест могла вспомнить безжизненное тело матери, лежащее на полу горящего дома, она была лишена воспоминаний маминого лица, прикосновения ее руки, звука голоса.

В памяти остались лишь ее крики.

Как по команде, раздирающий душу вопль снова зазвучал в сознании.

— Да прекрати ты уже, Тэмпест! — произнесла она с отвращением к самой себе.

Девушка вскинула голову и посмотрела на свое искаженное отражение в перекошенном зеркале, находившемся над умывальником.

Этим утром уж точно нельзя предаваться столь мрачным мыслям. Тэмпест усердно терла себя грубой мочалкой, словно надеясь, что колючая ткань, пропитанная мылом, сможет очистить не только ее тело, но и разум. Единственное, что могло прогнать мысли о ночном кошмаре — сосредоточенность на Испытании. Взбунтовавшийся желудок снова скрутило, а от прохладного воздуха по коже побежали мурашки.

Исход сегодняшнего дня определит ее будущее.

Тэмпест тихо прошла обратно к своей койке и остановилась у подножия кровати, уставившись на мешок, в котором хранилось церемониальное одеяние, посланное королем. Она потянулась к нему, но одернула себя, не желая видеть выбор короля.

— Давай же, девочка, — прогрохотал слева от нее Максим, однако в низком голосе чувствовалась мягкость.

Взглянув на него краем глаза, девушка была награждена солнечной улыбкой, которая многим могла показаться ужасной из-за шрама на губах мужчины. Для Тэмпест же Максим был одним из самых дорогих сердцу людей. Он хлопнул себя по бедру, размером со ствол дерева. Кровать заскрипела под его весом, когда он подался вперед.

— Не стесняйся. Открывай скорее, — поторопил мужчину.

Тэмпест постаралась расслабиться. Ее сложно было сломать, а тут всего лишь какой-то наряд.

От короля, который тебя ненавидит.

Отбросив эту мысль, она развязала мешок. Дыхание перехватило при одном взгляде на наряд, который необходимо надеть.

О, Дотэ, нет.

Быстро схватив сверток с койки, девушка юркнула за ширму, которую для нее соорудили дяди. Сами они не знали, что такое скромность, но вот за ее честь беспокоились. Тэмпест снова посмотрела на церемониальную одежду. Как она сможет сражаться, одетая в это недоразумение? Чем думал король?

При обычных обстоятельствах Тэмпест надела бы облегающую бледно-серую рубашку из жесткого плотного льна, бриджи из оленьей кожи и кожаные сапоги выше колена в тон. Затем она зашнуровала бы нагрудник, щитки для нижней части рук, локтей и плеч, а также пояс с кожаными петлями для хранения различных мешочков и оружия. Ножны для любимого кинжала привязала бы к правому бедру. И наконец, она бы заплела волосы в косу и вооружилась мечом, кинжалом, любимым луком матери и колчаном с новыми стрелами.

Просто и практично.

Сегодня же был не обычный день.

Нет, сегодня наряд Тэмпест сверкал величием. Красотой. *Стилем*, как сказала бы ее подруга, служанка из замка, Джунипер. *И женственностью.*

Тэмпест сморщила нос при виде дополнений к броне.

— Не может же быть настолько плохо, — послышался голос Максима из-за ширмы.

— Может, — пробормотала она, хмуро глядя на жалкую пародию брони.

Она осторожно приподняла украшенный перьями цвета воронова крыла нагрудник, который застегивался на шее при помощи позолоченной серебряной пряжки. Тэмпест pokrутила его в руках. Куда делась задняя часть?

Бросив на землю предмет одежды, она достала из мешка наплечники. Тэмпест зашипела, когда получше их рассмотрела. Точнее, *его*. Перед ней был один необычный наплечник, сделанный из накладывающихся друг на друга пластин. Он состоял из окрашенного в сиреневый цвет металла поверх серебряной кольчуги и десятка свисающих цепей, которые несли в себе единственно эстетическую ценность. Иначе говоря, являлись совершенно бесполезными.

С осторожностью она положила несерьезную вещицу рядом с нагрудной пластиной и провела пальцем по одной из тонких цепочек. *Заморозь меня ,зима!* Их невозможно будет распутать. Будь ее воля, Тэмпест швырнула бы этот наплечник через всю комнату.

Наконец она достала завершающие элементы наряда.

— Просто смешно, — тихо прорычала она.

Она сжала в руках разрезанную на ленты черную кожаную юбку, облегающую бедра, и темно-фиолетовую накидку, которую пред-

положительно нужно накинуть на оголенное плечо.

— Все не может быть настолько плохо, — мягко проговорил Дима, еще один дядя. — Надень самое основное, а с остальным мы тебе поможем.

— Основное? — пробормотала она.

Ей не дали ничего основного. Взгляд девушки снова переместился к нагруднику. Одно неверное движение, и ее грудь предстанет на всеобщее обозрение. Тэмпест вытянула руку над ширмой.

— Мне нужен мой полукорсет.

На мгновение наступила тишина, а затем послышался шорох.

Обычно она не была застенчивой. Прожив с мужчинами почти всю жизнь, Тэмпест по большей части ничего не смущалась, но, когда рука Максима протянулась над ширмой, сжимая потрепанный корсет, жар опалил ее щеки. Девушка выхватила нижнее белье из покрытых шрамами пальцев и быстро пробормотала тихое спасибо.

По спине пробежала дрожь, когда она сняла ночную рубашку и размотала полосу материи на груди. Ловко зафиксировав корсет в нужном месте, она вышла из-за ширмы, повернувшись ко всем спиной.

— Не мог бы кто-нибудь помочь со шнуровкой? — спросила она голосом на октаву выше, чем обычно.

— Конечно, — мягко пробормотал Максим.

Тэмпест уставилась на серую стену перед собой, пока ее дядя шнуровал корсет. Из всех воображаемых вариантов день Испытания никогда не представлялся ей таким.

— Не слишком туго? — спросил Максим, разобравшись с завязками.

Пошевелившись, она подпрыгнула на месте. Грудь не сдвинулась с места, и огромным плюсом было то, что не возникало проблем с дыханием.

— Порядок.

С пылающими щеками Тэмпест отошла за ширму и подняла с пола пернатый ужас. Девушка застегнула пряжки на шее и талии, закрепляя на себе нагрудник. Затем она кое-как нацепила сиреневый наплечник. Холодные цепи скользнули по обнаженной коже бицепсов и спины. Тэмпест вздрогнула и потерла плечи. Ей было ненавистно ощущение незащитности.

Тэмпест наклонилась, чтобы поднять юбку, и натянула ее на талию, прямо под корсет. Ноги почти полностью выставлены напоказ. Она выглядела как девушка легкого поведения. И как она должна сражаться в таком виде?

Стиснув челюсть, девушка приняла решение, которое могло лишить ее благосклонности короля. Тэмпест наденет его подарки, но она сделает это по-своему. По-воински.

— Передайте мои кожаные штаны, пожалуйста.

Кто-то швырнул их поверх ширмы, кожаная ткань хлестнула ее по лицу.

— Спасибо.

Тэмпест натянула знакомые брюки и с облегчением вздохнула, когда мягкая черная кожа обволокла ее ноги, принося с собой капельку спокойствия. Подняв накидку с пола, она пнула мешок об стену. Теперь все, что ей нужно было сделать, это покинуть убежище за ширмой.

Смелее, Тэмпа. Это просто ткань.

Сдув с лица прядь лавандово-голубых волос, девушка скривила губы. Волосы тоже пришлось распустить. Ей это совсем не нравилось. Распущенные волосы в бою — недостаток, а не преимущество.

— Нужно было их совсем отрезать, — проворчала она перед тем, как выйти из-за ширмы.

Тишина. Абсолютная тишина встретила ее, когда она подошла к сундуку рядом с койкой. Было трудно игнорировать взгляды ее дядей и братьев-Гончих, пока они рассматривали ее наряд.

— Он что, пытается тебя убить? — Максим взорвался первым.

Тэмпест раскрыла рот от удивления. Такие слова считались предательством, и она знала, что не только ей пришло это в голову.

Высокая худощавая фигура Димы шагнула вперед, и его рука приземлилась на затылок неповоротливого мужчины.

— Совсем с ума сошел? Скорее ты убьешь ее своими глупостями.

